

ДЖЕФФ КЁЛЕР

МАТИСС В МАРОККО

ПУТЬ СВЕТА И ЦВЕТА:
ДВЕ ЗИМЫ, ИЗМЕНИВШИЕ ИСКУССТВО

УДК 75.071.1:929(44)
ББК 85.143(4Фра)
К34

Jeff Koehler
Matisse In Morocco: A Journey Of Light And Color

Данное издание опубликовано при содействии агентства
InkWell Management LLC и *Synopsis Literary Agency*
Перевод с английского *Ольги Савченко*

Изображение на обложке:
Вход в Касбу, Матисс А., 1912. ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва

Кёлер, Джефф.
К34 Матисс в Марокко. Путь света и цвета: две зимы, изменившие искусство / Д. Кёлер ; [пер. с англ. О. Савченко]. — М. : КоЛибри, Издательство АЗБУКА, 2026. — 288 с. : ил. — (Исторический интерес).

ISBN 978-5-389-29932-0

Зимой 1912 года Анри Матисс переживал творческий кризис. Скандальная слава лидера фовизма осталась позади, парижский авангард увлекся кубизмом Пикассо, а коллекционеры потеряли интерес к его работам. В поисках вдохновения художник отправляется в Танжер — город, где исламское искусство, давно пленявшее его воображение, становится частью повседневной жизни.

Джефф Кёлер восстанавливает удивительную историю двух марокканских зим, которые навсегда изменили творчество Матисса. Несмотря на проливные дожди, бессонницу и трудности с поиском натурщиц, художник создает полотна, ставшие поворотными в его карьере: от «Вида из окна Танжер» и «Зоры на террасе» до «Марокканского кафе». Он совершил невозможное, превратив «декоративность», которую ставили ему в вину, в главный инструмент модернизма. Именно здесь, в Танжере окончательно сложилось его уникальное видение цвета и света — он стал тем Анри Матиссом, которого мы знаем.

Это не просто биография художника, а глубокое исследование того, как один художник, оказавшись в изоляции, переплавил отчаяние в новое видение, изменившее ход искусства XX века.

УДК 75.071.1:929(44)
ББК 85.143(4Фра)

ISBN 978-5-389-29932-0

© Jeff Koehler, 2025
© Савченко О., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке,
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
КоЛибри®

Глава 1

Ясным зимним утром на обдуваемой ветерком палубе парохода «Ринджани» стоял Анри Матисс. Одетый в типичный для эдвардианской эпохи костюм путешественника (длинный сюртук, теплое пальто, кожаные гетры), он держался за поручень и всматривался в синие воды на горизонте, за которым было скрыто побережье Северной Африки.

Он плыл одним из еженедельных пассажирско-почтовых рейсов компании «Royal Rotterdam Lloyd» из Нидерландов в Голландскую Ост-Индию. «Ринджани» спустили на воду в 1906 году, он вмещал 163 пассажира (в том числе 68 первого класса). Судно проходило через Гибралтарский пролив и Суэцкий канал. За три недели плавания пароход сделал около дюжины остановок, чтобы принять на борт новых путешественников или высадить часть пассажиров. Три дня назад, на обратном пути в Роттердам из Батавии (нынешней Джакарты), корабль зашел в Марсель, где на борт поднялись Матисс и его жена Амели. Пара направлялась в Танжер.

Покинув Марсель, «Ринджани» двинулся сперва вдоль побережья Франции, затем Испании, на юг. Мимо безлесных равнин Андалусии, где Средиземное море резко сужается и все течения устремляются в пролив Гибралтар, корабль плыл в Марокко.

Танжер, расположенный в последней бухте Средиземного моря, на самом северо-западе Африки, был главным портом Марокко. Там располагались все посольства, поэтому его называли «столицей Европы». Зимой климат в городе считался одним из лучших на средиземноморском побережье, а наличие дипломатического сообщества сделало его безопасным для путешествий.

«Плавание прошло очень спокойно, мы хорошо ели, хорошо спали»¹ [1], — пишет Матисс своей дочери Маргарите в 9 утра 29 января с борта корабля, направляющегося к Северной Африке.

«Никакой качки, мы будто скользим по кристально-голубому, хоть и немного бурному морю. Слева по горизонту плывут облака, справа виднеются горы Испании. Их мы не теряем из виду с самых Балеарских островов» [2]. Корабль в 140 метров с двумя мачтами находился под командованием капитана Т. Беккера, стоящего на мостике в накрахмаленной форме с отполированными пуговицами. В тот день он должен был приплыть на несколько часов раньше расписания.

Но внешнее благополучие обстоятельств поездки весьма обманчиво. В голубых, как агаты, близоруких глазах Матисса, напряженно всматривающегося в горизонт, читалась тревога.

* * *

Начало 1912 года. Матиссу 42 года, и он еще не достиг середины своего творческого пути. Сегодня его знают как одного из самых великих, самых влиятельных, самых дорогих художников в мире. Мало кому удалось добиться такой популярности: его выставки привлекают толпы посетителей, но на тот момент о славе, коммерческом успехе и даже финансовой стабильности можно было только мечтать. Человек, поднявшийся на борт «Ринджани» той зимой, пока не заслужил восхищение публики, уважение коллег и похвалы критиков.

Его яркие фовистские («дикие») картины принесли ему дурную славу сразу после выставки на Осеннем салоне в 1905 году. Художник возглавил недолго просуществовавшее, но влиятельное движение, среди последователей которого можно назвать Андре Дерена, Жоржа Брака, Мориса де Вламинка, Кес ван Донгена и его близких друзей Шарля Камуана и Альбера Марке. Однако Матисс стал «фовистом всех фовистов».

Фовисты совершили революцию в искусстве, используя неестественно яркие цвета и мощные, выразительные мазки (гораздо позже Дерен назовет броские цвета на их кистях «динамитом», «взорвавшимся светом» [3]). Разрушая многовековую академическую традицию, Матисс изображал эмоции от увиденного: яркие, без примеси,

¹ Здесь и далее во всех иностранных изданиях перевод мой. — *Прим. пер.*

красный, желтый, ярко-розовый, кислотно-зеленый на его холстах поражают силой выразительности. Цвет перестал уважать границы и вырвался на свободу.

Радикальные работы представителей течения, выставленные в Салоне, были жестоко раскритикованы. В одной французской газете опубликовали следующее: «Невозможно описать, как и критиковать представленные работы. Помимо использованных материалов, они не имеют ничего общего с изобразительным искусством. Бесформенная смесь цветов: синего, красного, желтого, зеленого; грубо и бессистемно наляпанные пятна. Варварски-наивно, будто это дело рук ребенка, играющего с набором красок, подаренных на Рождество» [4].

Но такая дерзость и изобретательность стали огромным прорывом для авангарда живописи того времени.

Самой противоречивой картиной Салона стала *«Женщина в шляпе»* Матисса, портрет его жены Амели. На нее обрушилась большая волна критики, в сравнении с другими полотнами. На Амели, глядящей назад с задумчивым видом, надета огромная шляпа, украшенная чем-то похожим на кусочки фруктов. Шокировали ощущение незаконченности и внушающие чувство дискомфорта, несочетающиеся цвета картины. Художник пренебрег традиционным взглядом на портрет как миметический жанр [5], изображение оригинала, согласно этимологии *pour trait*, с буквальным повторением черт, линий [6]. Кроме того, согласно традиции, внешняя красота являлась отражением красоты внутренней. В таком случае, что же художник хочет сказать нам об этой женщине, своей жене?

Лео Стайн писал о картине: «Произведение хоть и гениальное, мощное, вместе с тем самое уродливое пятно краски, что мне приходилось видеть» [7]. По его словам, посетители «освистывали полотно и глумились над ним» [8]. Однако в последний день выставки он и его сестра Гертруда все же купили картину и попросили о встрече с художником.

Матисс стал важной частью вечернего субботнего салона Стайнов в доме номер 27 на улице Флёрюс на левом берегу Сены. Пятерка калифорнийских Стайнов (к которым позже присоединилась Элис Б. Токлас) приобрела такие ранние революционные работы Матисса, как *«Радость жизни»*, *«Голубая обнаженная (Воспоминание о Бискре)»*, *«Зеленая полоса»* и редкий, написанный в 1906 году, фовистский *«Автопортрет в полосатой майке»*. Они присоединились к *«Женщине в шляпе»*, расположившись рядом с работами Пикассо, Сезанна, Ренуара, Гогена.

Законодатели вкусов, сделавшие больше для парижского авангардного искусства того времени, чем кто-либо, Стайны были одними из первых крупных покровителей Матисса. Вскоре этому пришел конец. В 1907 году появились «Авиньонские девицы» Пикассо, и начался подъем кубизма. Матисса быстро затмил его более молодой соперник из Испании. Гертруда и Лео Стайн перестали покупать Матисса, «Голубая обнаженная» (1907) стала их последним приобретением, после этого они переключились на многообещающего испанца. Пикассо и прочих кубистов восхваляли, считали наследниками Сезанна и первопроходцами европейского искусства. Дни фовизма были сочтены. Достигнув наивысшей точки на Салоне Независимых¹ весной 1907 года, популярность движения пошла на спад, и вскоре оно прекратило свое существование [9]. Большинство бывлых приверженцев попали под влияние Пикассо. Брак и Дерен, два главных фовиста, по словам Гертруды Стайн, «встали на сторону Пикассо и открыто покинули ряды сторонников Матисса» [10].

Из лидера авангардного движения Матисс быстро превратился в объект насмешек. Всего несколько лет назад он был предводителем самых смелых живописцев Парижа. Но к моменту отплытия в Марокко в среде авангардных художников его уже считали неактуальным. Он стал объектом публичных издевательств. Веселые последователи Пикассо, завсегдагаи кабаре *Le Lapin Agile* («Проворный кролик») на Монмартре, покрывали рисунками, направленными против Матисса, рекламные плакаты у писсуаров холмистого района Парижа. Они бросали резиновые дробочки в портрет дочери Матисса, который тот подарил Пикассо. Окунув хвост осла в яркую краску, вызывающую ассоциации с фовизмом, они приложили его к холсту и отправили получившийся «шедевр» на Весенний салон, представив как истинно «дикое» искусство [11].

Подобные мелкие выходки задевали меньше, чем отношение критиков, подобных Андре Сальмону, которого Матисс хорошо знал: «Вкус Анри Матисса восхваляли не раз. Однако нельзя отрицать его второсортность. Он подобен вкусу модистки, любящей яркие цвета не

---

¹ Общество Независимых художников (фр. *Société des Artistes Indépendants*) – объединение, основанное А. Дюбуа-Пилле, О. Редоном, Ж. Сёра и П. Синьяком в Париже 29 июля 1884 года. Они устраивали массовые выставки под девизом «без жюри и наград» (фр. *sans jury ni récompense*). – Здесь и далее, если не указано иное, примечания редактора.

меньше, чем шифон» [12]. Его картины считали декоративными, демонстрирующими женский подход к искусству, в сравнении с маскулинным и изобретательным подходом Пикассо. Этим отзывам вторила одна московская газета в репортаже о визите Матисса в Москву: «Но в конце концов Матисс, это *cravatte* — цветной галстук, как говорит о нем его противовес, кубист Пабло Пикассо. Он красив, но неглубок» [13].

Не все в мире искусства соглашались, что красота картин Матисса лишь поверхностная. Некоторые шли дальше, сомневаясь, присутствует ли она там вообще. «Матисс сделал первый шаг в неисследованную область уродливого» [14], — писал американский критик в 1910 году. В репортаже газете *The New York Times* после демонстрации нескольких работ художника на Арсенальной выставке в Соединенных Штатах в 1913 году говорилось: «В первую очередь стоит отметить, что его картины уродливы, лишены глубины и отвратительны нам своей человечностью» [15]. В Чикаго преподаватели и студенты факультета живописи (будущие художники!) устроили протест и разыграли суд над «Анри Волосатым Матрасом» у южного крыла Института искусств: «Вы обвиняетесь в убийстве искусства, поджоге рисунка, грабеже живописи, полном уничтожении цвета, преступном использовании линий, общеэстетическом заблуждении и упрямом извращении названий» [16]. Его признали виновным, и три копии картин Матисса были сожжены вместе с его чучелом.

Годами непрекращающаяся борьба с критикой утомила Матисса и повлияла на его уверенность в себе. На нескольких последних салонах он почти не подавал картин. Весной 1911 года на Салоне Независимых реакция на «*Манильскую шаль*» была такой суровой, что уязвленный Матисс снял картину через пять дней и повесил на ее место еще не просохшую «*Мастерскую художника (Розовую мастерскую)*».

На Осеннем салоне в 1911 году он выставил только два холста, названные Луи Воселем¹, не впечатленными работами, «набросками, сделанными за 15 минут» [17]. Близкий друг и коллега Матисса, художница Жоржетта Агютт, истолковала это ничтожное зрелище как

---

¹ Луи Восель — влиятельный французский художественный критик консервативного направления. Выступая с резкой критикой модернистской французской живописи начала XX века, Восель в своих статьях дал прозвища двум из ее течений, кубизму и фовизму, закрепившиеся впоследствии в качестве их общепризнанных названий.

признак неуверенности в себе. «Два твоих наброска, такие свежие и деликатные по тону, кажутся уступкой публике. В огромной зале они теряются, их хочется рассматривать в приватной обстановке. Но тут тебе стоит выставлять огромные прекрасные картины, притягивающие взгляды, навязчивые, способные заполнить собой всю комнату» [18], — тактично пишет художница. Она подразумевала две новые работы, висевшие в студии: «Семейный портрет» и «Голубое окно». «Боже, чего ты боишься? Ох, эти несчастные декораторы, в сравнении с твоими шедеврами их картины покажутся просто жалкими! — она умоляла его не идти на поводу у критиков и выставлять более смелые работы, например, недавно законченный «Интерьер с баклажанами», который ей довелось увидеть. — Пресса? Да какая разница, что они напишут, война в сто раз лучше, чем безразличие». В последней попытке поддержать Матисса она добавляла: «...ты должен осмелиться показать все».

К моменту отплытия Матисса в Танжер в 1912 году большая часть ярых поклонников более раннего периода публично ополчились против него, даже близкие друзья вроде Аполлинера и Сальмона. Гертруда и Лео Стайн, первые серьезные покровители, уже пять лет не покупали его картины. Осталась лишь небольшая группа приверженцев, среди них Агютт и ее муж Марсель Самба, Майкл и Сара Стайны и, самое главное, покровители из России: Сергей Щукин и Иван Морозов, скупившие большую часть его картин в последние годы.

Художнику требовалось немало мужества, чтобы продолжить работу в ситуации, когда почти никто не поддерживал его на творческом пути. «Матисс одинок» [19], — прямолинейно писал Андре Сальмон несколько месяцев спустя в своей книге, посвященной французской живописи. Не имея поддержки в виде собственного движения в искусстве, Матисс был вынужден переносить насмешки и унижения в одиночестве. В рецензии на грядущий Весенний салон Аполлинер напишет: «Влияние Матисса, кажется, почти полностью устранено, — вместе с тем он отмечал. — Влияние Пикассо является наиболее глубоким» [20].

* * *

Изначально Матиссы собирались отправиться на Сицилию. Однако внезапно они решили взять билеты в один конец до Танжера и покинуть Францию на неопределенный срок [21].

В чемодане Матисса лежали аккуратно упакованные кисти, краски, полотна, мастихины и все остальное, что может понадобиться ему в Марокко. Ему предстояло выполнить три заказа от двух покровителей из России, хотя не это было главной целью поездки.

Чтобы продолжить свой индивидуальный творческий путь и не попасть под чужое влияние, Матиссу необходимо было покинуть Париж. Внутренние конфликты достаточно отвлекали его от творчества, и он хотел избавиться хотя бы от внешних факторов, усиливающих неуверенность в себе. Он сознательно и буквально дистанцировался от доминировавшего в искусстве кубизма, захватившего парижский художественный мир. Вместе с тем он избежал влияния футуристов, первая групповая выставка которых прошла меньше чем через неделю после его отъезда в той же галерее, где раньше выставлялись его картины. В Танжере он мог размышлять о своем собственном творческом пути. Он искал новый стиль и возможности развивать собственное видение.

Он отчаянно нуждался в плодотворной работе. Для этого ему требовался хороший, стабильный свет. Альбер Марке, его одаренный товарищ со времен обучения в Школе изящных искусств, в прошлом также приверженец фовизма, работал в Танжере в прошлом году, в августе и сентябре. Уезжая с целой серией картин маслом, он советовал Матиссу съездить в этот далекий от Парижа, полный света город. К тому же гораздо более теплый. В Париже на тот момент наступили холода – накануне отъезда Матисс катался на коньках с Агютт и Самба, а ночью температура опустилась значительно ниже нуля.

* * *

Обогнув узкую полосу марокканского побережья, «Ринджани» оказался у подножия внушительного маяка на мысе Малабата. С палубы корабля Матисс и Амели увидели древний белый город, который другой путешественник 15 лет назад сравнил с «белой голубкой в гнезде» [22]. Корабль вошел в полукруглую бухту Танжера, берег лежал широкой дугой, усыпанной золотистым песком, и ослепительный город, парящий над морем, открылся во всей красе: «Белый, идеально белый, будто выбитый в огромной меловой скале» [23], – описывал свои впечатления путешественник. Три изящных минарета, облицованные эмалированной керамической плиткой, возвышались над плотными рядами плоских крыш. Они карабкались вверх, похожие на

амфитеатр, а над ними нависала цитадель — Касба, — окруженная стенами и батареей орудий.

Танжер должен был стать и убежищем, и источником вдохновения. Избежав давления Парижа, Матисс получил возможность размышлять и вдохновляться традиционным исламским искусством. В течение последних десяти лет он изучал богатую историю исламского искусства и чувствовал, что она может стать ключом к его дальнейшему развитию. Именно такие древние традиции помогают, как он напишет позже, «преодолеть пропасть» [24].

Глава 2

Танжер, расположенный на самом северо-западе Африки, представляет собой место встречи двух морей, двух континентов и различных культур. Его можно сравнить с воротами или мостом, он принимает всех с распростертыми объятиями, его даже можно назвать толерантным городом. Самый старый город страны всегда славился своим космополитизмом. Здесь соприкасаются Восток и Запад. Из окна гостиницы Матисс отчетливо мог видеть находящуюся всего в 15 километрах Испанию.

Город был основан в VII веке до н. э. финикийцами¹. Стратегически выгодное расположение на берегу узкого пролива, ведущего в Средиземное море, позволило Тингису (под этим названием он стал известен позже) при римлянах стать процветающей колонией. Римские руины и сейчас можно найти в разных частях города. Римское господство закончилось в V веке н. э., после чего город по очереди оказывался в руках вандалов, Византийской империи, а затем христиан-вестготов.

После смерти пророка Мухаммеда в 632 году ислам начал активно распространяться с Аравийского полуострова на запад, через Ближний Восток, Египет и Северную Африку. К 707 году арабы захватили север Марокко. В 711 году солдаты-пехотинцы берберы, служившие арабам, использовали порт Танжера для захвата Пиренейского полуострова. Мусульмане принесли в Танжер новую религию, язык, традиции. На протяжении столетий город находился под властью

---

¹ По другим источникам, Танжер мог быть основан как финикийская колония, возможно, еще в X веке до н. э. См.: *Cities of the Middle East and North Africa: A Historical Encyclopedia* / Michael Dumper, Bruce Stanley / Bloomsbury Academic, 2007. P. 345.

нескольких влиятельных марокканских династий. К XIV веку Танжер был одним из крупнейших портов Средиземного моря, наравне с Барселоной, Марселем и Генуей.

Вскоре Танжер стал главной целью колониального расширения Португалии. В 1471 году португальцы захватили город, превратили главную мечеть в собор и укрепили городские стены и башни. «Город со стенами из бронзы и чудесными дворцами из золота и серебра, — восхищался французский писатель XVI века Ф. Эли де ла Примодэ, — резиденция королей запада, мать городов Магриба, самая прекрасная и самая древняя» [1].

Португальцы владели Танжером до 1661 года, когда он стал частью приданого инфанты Екатерины Браганской, вышедшей замуж за английского короля Карла II. Он назвал город «ценнейшим камнем в королевской диадеме» [2]. Англичане укрепили оборону Касбы и построили каменный мол в порту. Однако они подвергались постоянным нападениям марокканцев и потеряли в стычках много людей. К 1648 году они сдались и покинули город. Но сперва потратили пять месяцев на разрушение мола, который достигал 438 метров в длину и 33,5 в ширину и стоил немалых денег. Также были уничтожены городские укрепления, создававшиеся в течение 20 лет. Англичане не хотели, чтобы марокканцы или европейские конкуренты воспользовались плодами их трудов.

После трех веков европейского правления город вернулся под контроль Марокко. Он стал частью огромного султаната, раскинувшегося от Средиземного моря до Сахары на юг и от Атлантического океана до границ современного Алжира на запад.

Когда Матисс отплыл в Танжер в начале 1912 года, Марокко оставался независимым султанатом. Но уже было понятно, что это ненадолго. Французы, управлявшие соседними Алжиром и Тунисом, в последние годы увеличивали свое присутствие в стране и стремились установить полный контроль над Северной Африкой.

* * *

Танжер являлся крупным центром торговли на одном из самых оживленных морских маршрутов в мире. К концу XIX века 1750 судов [3] в год заходили в его неглубокие портовые воды. В один день с голландским кораблем, на борту которого был Матисс, в бухту прибыли два французских и одно испанское пассажирских судна и британский крейсер.

«Ринджани» встал на якорь недалеко от берега поздним утром, и пассажиры с багажом отправились на заново отстроенный пирс на катерах, единственном транспорте, на котором можно было передвигаться в мелкой бухте. «Среднестатистический турист оказывается совершенно сбит с толку, стоит ему сойти на сушу, — писал генеральный консул Соединенных Штатов в 1914 году, — ему может прийти в голову, что он попал в эпицентр революции или к Али Бабе и сорока разбойникам» [4]. Лодочники, зазывалы и работники гостиниц практически дрались за багаж новопривывших.

Матиссы пробрались сквозь хаос, царивший на пристани. Они прошли мимо скота, ожидающего погрузки на плоскодонные лихтеры для грузовых судов, следующих в Сеуту и Гибралтар, заплатили необходимые взносы и зашли под белокаменные своды таможни. Инспекция, как известно, была не такой строгой и не требовала паспорта [5]. Покончив с формальностями, они вышли из низкого кирпичного здания. Носильщики погрузили их багаж на мулов, они поднялись по пандусу из гавани и прошли через старинные ворота Баб аль-Марса, ведущие в окруженную стеной часть Танжера.

«Баляк, баляк!¹», — кричал погонщик мулов, заставляя людей расступиться. Они проталкивались через многонациональную толпу мужчин в коричневых бурнусах с капюшонами, евреев в черных кафтанах и темно-бордовых фесках, европейцев в соломенных шляпах, рифийцев² в зеленых, свисающих до икр джеллабах и облаченных в белые одеяния женщин со скрытыми лицами.

Всего через несколько минут Матиссы достигли Джамаа аль-Кабир — Большой мечети. Над ними возвышались ее кирпичный минарет и богато украшенный входной портал с расходящимися геометрическими мотивами, переплетающимися с зелеными узорами и расписным резным деревянным навесом. Затем они повернули направо и оказались на самой широкой и прямой улице, намереваясь пересечь старый город целиком на еще пошатывающихся от долгого морского путешествия ногах.

Мимо прилавок с апельсинами, мандаринами, последними в этом году гранатами, мимо шумных террас кафе, женщин со скрытыми лицами, торгующих плоскими лепешками за пенни, они, наконец,

¹ «Берегись!», «Осторожно!» (*араб.*)

² Рифийцы — берберский народ, населяющий область Эр-Риф, горный хребет в системе Атласских гор на севере Марокко.

добрались до Сук аль-Дакала — «внутреннего рынка», среди иностранцев известного как Пти-Сокко. Его окружали правительственные здания, банки, английское, немецкое и испанское почтовые отделения (у каждой из четырех самых влиятельных стран в городе были свои отделения, французское находилось за мечетью). Эта вытянутая площадь считалась сердцем Танжера. Немного дальше — испанский Собор Непорочного Зачатия, и сразу за ним — аллея, ведущая к главной синагоге. На всю крупную еврейскую диаспору Танжера приходилось 17 синагог.

Танжер был плавильным котлом культур. В путеводителе Бедекера 1911 года указано, что население города [6] составляет 46 270 человек, из них 25 000 мусульман, 12 000 марокканских евреев и 9 270 иностранцев, включая 7 000 испанцев. Общее население Марокко насчитывало 8 миллионов человек.

На формирование облика города повлияло не только его выгодное расположение, но и одно решение, принятое султаном в XVIII веке. В 1782 году он повелел собрать все дипломатические миссии в одном месте, и так Танжер стал домом для европейских консульств. В XIX веке и вплоть до начала XX века, пока султаны правили из Феса и Мекнеса, Танжер оставался дипломатической столицей, где находились все консульства и посольства. В 1821 году Представительство и Консульство Соединенных Штатов в Медине Танжера стали первой дипломатической собственностью Америки.

Матиссы двинулись дальше по улице Сиаген, названной в честь местных ювелиров. Помимо изделий из серебра, почти в каждом ювелирном киоске продавались золото и валюта. Среди испанских и французских магазинов со стеклянными витринами теснились маленькие открытые лавочки, где торговцы сидели окруженные грудой разного добра. На расстоянии вытянутой руки от них были разложены финики из оазисов Сахары, изюм, нанизанные на нитку плоские сухие фиги, бочонки ферментированного масла, которое называется «смэн», различные сорта меда, сахарные рожки, жареные орехи, куски мыла, горшки для еды, свечи и разноцветные сандалии, вышитые золотыми и серебряными блестящими нитями. Подковы стучали по мостовой, продавцы воды звонили в латунные колокольчики, погонщики мулов хлестали кнутами и кричали «Баляк! Баляк!», чтобы животные могли протиснуться в толпе.

Наконец, миновав двойную арку Баб аль-Фахс (название ворот в переводе с арабского означает «внутренние земли») и выбравшись из толпы в старом городе, Матиссы прошли между рядами овощных лавок и оказались на Сук аль-Барра, «внешнем рынке», или Гран-Сокко.

Там дважды в неделю собирался легендарный городской рынок под открытым небом.

Над этим широким и пологим холмом возвышался «Отель Вилла де Франс», где остановились Матиссы.

Дорога, вымощенная гладким речным камнем, шла, извиваясь, от нижних ворот через террасы сада с огромными пальмами, фиолетовыми бугенвиллеями, розами и цветущими мимозами. Она вела мимо главного входа с портиком к боковой части трехэтажного здания.

Несмотря на близость к Европе, Танжер оставался далеким и самобытным городом. Западным путешественникам он казался чем-то совершенно невероятным. Неделий позже в Танжер прибыла австралийская художница Хильда Рикс Николас. Она также собиралась провести здесь зиму и той же дорогой добиралась до «Отель Вилла де Франс», а оказавшись в нем, тут же села описывать захватившие ее впечатления в письме матери и сестре:

«Мои дорогие, если бы я могла описать все, что вижу! Мы приплыли на лодке, погрузили багаж на спину ослу и поднимались по улицам, полным чудесных людей. Вверх и вверх, мимо необычных маленьких уютных магазинчиков, под причудливыми арками к подножию холма Сокко, где, к нашему восторгу, мы попали на огромный рынок. Мы будто оказались в сказке из “Тысяча и одной ночи”, настолько замечательными были наряды бурлящей толпы людей. Так много разных рас и цвета кожи: одни очень темные, другие белоснежные, а у некоторых прозрачно-золотая кожа. На всех разные цветные и белые головные уборы. Ах как же все это восхищает!» [7]

Город, должно быть, производил сильное впечатление на Амели в особенности, которая всего несколько раз выезжала за пределы Франции: в Лондон во время их медового месяца в 1898 году и еще ненадолго в Италию в 1907 году.

* * *

Матисс, несомненно, был поражен незнакомыми и экзотическими сценами по пути в отель, но он также смотрел на небо.

Тучи, которые он заметил еще с палубы корабля, сгущались, заволакивая небо над Танжером. Поднялся ветер, и на проходящих

через город Матиссов начали падать крупные капли дождя. К моменту, когда они добрались до отеля, дождь лил в полную силу. Катастрофа для художника.

* * *

Сильный дождь продолжался и на следующий день. И через день. «Здесь мы попали в дождь, какой-то потоп. Кажется, он может продлиться целый месяц» [8], — пишет Матисс своей дочери 31 января.

Вместе с дождем пришел и сильный ветер. Он вывел из строя телеграф и не позволил почтовому судну, стоявшему на якоре в бухте, разгрузиться. В плохую погоду в бухте, на пристани, вешали синий флаг и налог для входящих в нее кораблей увеличивался вдвое. Но когда поднимали желтый флаг, означающий шторм, о цене приходилось договариваться [9], и то в случае, если причалить вообще представлялось возможным.

Широкая бухта Танжера — единственный защищенный причал по южную сторону пролива Гибралтар. Но широкий вход на северо-западе означает, что бухта защищена от сильного восточного шерги¹ летом, но в остальную часть года, когда ветра дуют с других направлений, бухта оказывается не защищена.

В первые дни после приезда Матисса бурлящие волны бились о крепостные стены и набегали далеко на песок вдоль набережной, доходя до прибрежных троп. «В пятницу [2 февраля] с юго-запада пришел шторм невероятной силы. Прибой унес с собой большое количество рыхлого грунта и подтопил окрестности, и только спокойная погода в субботу спасла от обрушения здания на первой линии, — писала городская английская газета *Al-Moghreb Al-Aksa*, выходящая два раза в неделю. — «Пляжные домики и все подвижное унесло море. <...> Часть эспанады перед зданиями мистера Петри подмыли волны, и в результате она обрушилась» [10].

Дождь не прекращался. Матисс отправлял полные злобы послания своим друзьям в Париже. «Выйдет ли в Марокко солнце?» [11], — написал он на открытке Гертруде Стайн. «Мы приехали восемь дней назад, — жалуется он художнику Анри Мангену, — и с тех пор

---

¹ Шерги (от *араб.* «шарк» — восток) — восточный или юго-восточный местный ветер в Марокко, дующий со стороны Сахары, крайне сухой, жаркий и пыльный. — *Прим. пер.*

тут настоящее наводнение. Может, нам стоит вернуться? Какая неудача!» [12]

Марке, убедивший Матисса [13] отправиться в Танжер и восхвалявший неизменно солнечную погоду и идеальный свет, получил больше всего писем.

«Ах, мой друг, что за приключение! Мы приехали в понедельник в три часа — сейчас суббота, и все это время, как я писал в другой [открытке], дождь не прекращался. Напротив, он постоянно усиливается, — писал Матисс на открытке с караваном верблюдов, которую он отправил Марке. — Не понимаю почему, и местные тоже не понимают. Они еще больше удивлены, потому что еще до нашего прибытия дождь шел уже 15 дней. Боже, что же делать! Вернуться? Глупо, но кажется это будет самым логичным поступком. Светло, как в подвале» [14].

На следующей открытке, с изображением ворот Касбы, он продолжал: «Я пишу тебе во время сильнейшего ливня. Ты точно никогда не видел такого, за всю свою прекрасную жизнь» [15]. И хотя он утверждал, что не винит старого друга, это ощущается в его словах: «Прощай, старик, я не в обиде, ты не виноват во всем, что идет не по плану».

В самом низу Матисс добавляет: «Ах, Танжер, Танжер! Жаль, у меня не хватает мужества убраться отсюда подальше» [16].

Глава 3

Путешествия давались Матиссу нелегко. Чувствительный художник был склонен к периодам затяжной депрессии, тревоге и паническим атакам. Нервозность, казалось, пропитывала его насквозь. Если верить словам Жоржа Дютуи, будущего зятя Матисса: «Неспособность расслабиться, изнуряющий труд, полное неумение разделить с ближним, в покое, хотя бы слезы или улыбку» [1] — вот что являлось отличительными чертами его характера.

В довершение всего Матисс был подвержен длительным периодам бессонницы. Во время этих изматывающих ночей Амели читала мужу вслух до рассвета или пока он не начинал дремать. Зачастую, когда она уже тихо откладывала книгу, ее прерывал его голос: «Продолжай читать» [2].

Зимой, во время одиночного путешествия по Испании, бессонница превратила его жизнь в ад. «Полтора месяца я не спал. Стоило мне задремать — я тут же просыпался в панике. Я был измотан, выжат до последней капли» [3], — рассказывал он после. В конце концов в Севилье он пережил нервный срыв: «Кровать содрогнулась — и я не смог сдержать вырвавшийся из горла тихий надрывный крик» [4]. В лихорадке, измученный болезнью, он прибег к опиумной настойке.

В каюте «Ринджани» по пути в Танжер у него получилось выспаться. Но бессонница вернулась в первую же ночь в отеле. Ветер стучал деревянными ставнями их угловой комнаты, пока Амели старалась успокоить мужа.

Прошлой зимой он ездил в Испанию без Амели. Несмотря на то что он должен был уехать всего на месяц, его возвращение заняло

вдвое больше времени. Ее письма переполняло недовольство им. В один момент, в разгар его затянувшегося отсутствия, она так разозлилась, что съехала из их дома. Потребовалось вмешательство семьи, чтобы заставить ее вернуться.

В этот раз Амели не осталась зимовать во Франции, а отправилась с ним в Марокко, оставив троих детей дома. Их двое мальчиков — Жан, которому только исполнилось 13, и 11-летний Пьер — находились под присмотром родственников, а 17-летняя Маргарита, внебрачная дочь Матисса от связи с моделью Камиллой Жобло, осталась вести домашнее хозяйство в Исси-ле-Мулино на юго-западной окраине Парижа. У Маргариты там было совсем немного друзей и соседей, и она скучала. Ниже по склону холма располагалась психиатрическая лечебница, и по ночам Маргарита часто не могла уснуть, прислушиваясь к шуму ветра в кронах деревьев, окружающих виллу, и стуку веток об окно. «Днем скука, — пишет Маргарита отцу и Амели, — а ночью — ужас» [5].

Амели была всецело предана своему мужу и делала все возможное, чтобы он мог сконцентрироваться на работе. С самого начала их отношения строились на том, что она согласится на эту роль.

Матисс женился на Амели Парейр, красивой темноволосой женщине из Тулузы с большими, широко расставленными глазами, в январе 1898 года. Они познакомились на свадебном банкете в Париже не раньше, чем за три месяца до свадьбы. За день до банкета он решил разойтись со своей бывшей натурщицей Камиллой Жобло, оставив ее и их дочь Маргариту на острове Бель-Иль [6], у бурного побережья Бретани, и отправился на церемонию в одиночку. Двадцативосьмилетний Матисс был другом жениха, а Амели, на три года младше его, — подружкой невесты.

Их роман развивался стремительно и был скорее прагматичным, нежели пылким. Матисс понимал, что, какое бы место Амели ни занимала в его жизни, она никогда не сравнится с его главной страстью. «Мадемуазель, я вас очень люблю, — предупреждал он после помолвки, — но живопись я всегда буду любить сильнее» [7].

Амели смирилась с тем, что жизнь с начинающим художником будет полна самопожертвования и аскетизма. С преданностью делу и настойчивостью она взяла на себя эту роль, никогда не сомневаясь в ценности своего вклада. Через несколько месяцев после свадьбы она переехала в квартиру-студию Матисса на набережной Сен-Мишель, чтобы буквально жить среди его творений (и настоящей любви). Помимо того,

Научно-популярное издание
Танымал ғылыми басылым

Серия «ИСТОРИЧЕСКИЙ ИНТЕРЕС»

Джефф Кёлер

МАТИСС В МАРОККО

Путь света и цвета: две зимы, изменившие искусство

Руководитель направления *Ирина Мажаева*
Ответственный редактор *Анастасия Гусева*
Дизайн обложки *Михаил Левыкин*
Технический редактор *Мариятта Караматозян*
Корректоры *Надежда Быкова, Поллина Шевнина*
Верстка *Леонид Харченко*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 20.04.2026.
Формат 72×100^{1/16}. Гарнитура «NewBaskervilleITC». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24,0. Тираж 2000 экз. W-NIS-39079-01-R. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака Колибри 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – Колибри тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68, БЦ «Регул», 2-й этаж Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы 195112, Санкт-Петербург, Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат, Регул бизнес орталығы, 2-қабат Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

